

RESET REDUX:

HOW TO COORDINATE US AND RUSSIAN FOREIGN RELATIONS

Matthew Parish

The principal dynamic infecting US-Russian relations is that Russian foreign policy has always remained consistent, whereas US foreign policy is not because it has two ideological strands each of which is not precisely aligned with the bipolar nature of US electoral politics. Moreover the science that might be called "Kremlinology", namely western analysis of Russian domestic politics and how that affects her foreign policy imperatives, is a discipline that has been in consistent decline in both Washington and London since the end of the Cold War.

Hence in the sometimes raging propaganda wars between Anglo-Saxon and Slav, each side finds the other incomprehensible by reason of cultural and political divides unbridged by scholarship and study. Russia misunderstands the West, because she finds western policies unpredictable. The West likewise misunderstands Russia, because while Russian policies are predictable the calculus required to comprehend them is by no means simple. Accordingly any mutual understanding of foreign relations policy between Washington and Moscow, seeking cooperation rather than confrontation, is a formidable undertaking. But this essay seeks to navigate a route by which it might be conceivable.

И СНОВА О ПОЛИТИКЕ ПЕРЕЗАГРУЗКИ:

КАК ВЫСТРАИВАТЬ АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мэтью Пэриш

Основная движущая сила, негативно влияющая на американско-российские отношения, заключается в том, что российская внешняя политика всегда стабильна, тогда как американская внешняя политика обладает двумя идеологическими направлениями, ни одно из которых до конца не совпадает с биполярной природой электоральной политики США. Кроме того, наука, которую можно назвать «кремлинология», а именно, западный анализ российской внутренней политики и ее влияния на приоритеты внешней политики, - это дисциплина, которая после завершения Холодной войны постепенно пришла в упадок как в Вашингтоне, так и в Лондоне.

Поэтому в порой ожесточенных пропагандистских войнах между англо-саксонским и славянским блоками каждая из сторон считает другую непостижимой из-за культурно-политических барьеров, которые остаются неизученными. Россия неверно понимает Запад, потому что считает политику западных стран непредсказуемой. Аналогично, Запад ошибочно воспринимает Россию, потому что хотя российская политика и предсказуема, формула, необходимая для ее понимания, ни в коем случае не проста. Таким образом, достижение Вашингтоном и Москвой взаимопонимания в области внешней политики, ориентированной на сотрудничество, а не конфронтацию, - архисложная задача. Однако настоящее эссе является попыткой очертить потенциальные пути решения этой задачи.

The Russian bear never dies; it just hibernates

Any Kremlinologist must begin by distinguishing quite rigidly between the ceaseless entanglements of Russian domestic politics and the nation's foreign policy. This essay is not about Russian domestic politics. However those politics tend to involve an interminable swirling of power around a leadership interest that ultimately has the capacity to be absolutist, but in practice seldom is. (In this quality it is far more like the British political system than that of the United States.)

One mistake Anglo-Saxon observers habitually tend to make is to infer that because they do not like Russian domestic politics, her foreign policies must likewise be morally bankrupt. This inference tends to be drawn from the presumption - which many Russian thinkers will contest - that a more perfect democracy will yield a fairer foreign policy. Let us put aside what the concept of a perfect democracy might entail; that concept itself is essentially contested across the ideological divide between Russia and the United States. But even if an Anglo-Saxon policymaker were to accept its premise, then the inference that because Russia is an imperfect democracy it therefore necessarily exhibits imperfect foreign policy would not be sound. Russian foreign policy, like that of all states, is mixed: but that is for reasons different from any frailties one might find in Russian domestic politics.

Русский медведь не умирает, он просто впадает в спячку

Любой кремлинолог сначала должен достаточно жестко разграничить бесконечные хитросплетения российской внутренней политики и внешнюю политику страны. Это эссе не о российской внутренней политике. Однако она, как правило, связана с нескончаемым водоворотом власти вокруг интересов правящих кругов, которые, в конечном счете, могут стать абсолютистскими, но на практике редко являются таковыми. (С этой точки зрения российская политика гораздо больше напоминает британскую, чем американскую политическую систему.)

Англосаксонские наблюдатели заблуждаются думая, что, если им не нравится российская внутренняя политика, внешняя политика страны также, по аналогии, должна быть морально несостоятельной. Этот вывод проистекает из предположения (с которым не согласятся многие российские специалисты) о том, что более совершенная демократия приводит к более справедливой внешней политике. Давайте абстрагируемся от того, что может включать в себя понятие совершенной демократии; оно само по себе, по сути, ставится под сомнение на фоне идеологических разногласий между Россией и США. Но даже если англосаксонскому политику пришлось бы согласиться с его предпосылками, то вывод о том, что Россия - это несовершенная демократия, и поэтому она в обязательном порядке демонстрирует несовершенную внешнюю политику, не имеет под собой оснований. Российская внешняя политика, как и внешняя политика всех стран, неоднородна, но не по причинам, связанным с возможными недостатками российской внутренней политики.

Russian foreign policy betrays a logic different from its domestic politics. Russian foreign policy has a distinctive quality based upon strategic interests in the country's neighbours. The starting point for any analysis of Russian foreign policy objectives derives not from some imagined historical quality of the Russian people (although there are many such qualities); most such analyses of any nation are cheap and simplistic, for demagogues rather than analysts. Rather the starting-point for Russia is from pure geography. Russia is the largest country in the world. Yet unlike the United States or Canada (the second largest country in the world), in no sense can Russia be described as an autarchy. The country has land borders with some 14 recognised sovereign states, and two unrecognised or partially recognised ones. Her land borders cover in excess of some 20,000 kilometres (12,500 miles). By contrast the United States, a country with approximately double Russia's population, has only two land borders, while the United Kingdom has one.

The result of this is that unlike the United States or the United Kingdom, Russia has seen her borders change substantially over the centuries. As a country that finds itself wrapped some half of the way around the world, she has found herself the subject of invasion, border disputes and contiguous territorial expansion in a way that the United States and the United Kingdom have not. When the United Kingdom wanted more territory, she had to colonise: that is to say, to take over control of territories a substantial distance from her, and thereby develop a network of control over her territories premised upon naval power. As the importance of maritime military power declined because flying became so easy, the United Kingdom's import as a global power was destined to decline. The Wright Brothers did in the United Kingdom's aspirations to be a global power. But in the interim, nobody could invade so small an island in the course of the last millennium. Time and time again, the courageous or insane might try; but the result was always the same for the putative attacker.

Российская внешняя политика основывается на логике, отличной от ее внутренней политики. У российской внешней политики есть одна отличительная черта, и она связана со стратегическими интересами в соседних странах. Отправная точка любого анализа целей российской внешней политики происходит не из воображаемых исторических характеристик российского народа (хотя таких характеристик достаточно). Подобный анализ любого народа примитивен и банален, это подход для демагогов, а не аналитиков. Ключ к пониманию России в ее географии. Россия - самая большая страна в мире. И все же, в отличие от США или Канады (второй по величине страны мира), Россия ни в коем случае не является автаркией. На суше страна граничит с 14 признанными суверенными государствами и двумя непризнанными или частично признанными странами. Ее сухопутные границы простираются более чем на 20 000 километров (12 500 миль). Для сравнения, США с населением, в два раза превышающим российское, на суше граничит только с двумя странами, а Великобритания - с одной.

В результате, в отличие от США или Великобритании, границы России значительно менялись в течение нескольких столетий. Страна, через которую проходит почти половина всех земных меридианов, становилась объектом вторжений, пограничных споров и экспансии на сопредельные территории, в масштабах неведомых США и Великобритании. Когда Великобритании требовались дополнительные территории, она прибегала к колонизации, то есть к захвату контроля над территориями, которые находились на значительном расстоянии от нее, и расширению сферы контроля над своими территориями с помощью морской мощи. В результате снижения значимости военно-морских сил из-за повышения доступности полетов Великобритания должна была неизбежно утратить статус одной из ведущих мировых держав. Братья Райт помешали амбициям Великобритании как ведущей державы. Но, между тем, все попытки захватить такой маленький остров в течение последнего тысячелетия не увенчались успехом. Храбрецы или сумасшедшие из раза в раз пытались сделать это, но все попытки всегда заканчивались для гипотетических агрессоров одинаково.

Peace, commerce and friendship with all nations; entangling alliances with none

The United States had an even more extreme experience. She has never been invaded by a foreign power, save when Canada, then a British colony and proxy, engaged in a retaliatory attack upon her after the United States tried to invade Canada in the early nineteenth century. But even then, the United States was not in mortal peril. The Canadians and British motives were purely punitive, and they never had the resources or logistics and supply lines sufficient for even an attempt at comprehensive territorial domination. Indeed given the United States' geographical remoteness, it is hard to see how any putative invader ever could have adequate logistics and supply lines. This surely applies even today.

This gives rise to the natural question of why the United States has any foreign policy or military defences, given that it is essentially militarily impenetrable (having as it does more or less perennially friendly relations with its sole two land neighbours) and economically self-sustainable. The country cannot realistically be attacked, and it has seldom displayed genuinely imperial ambitions in the sense that the United Kingdom has. The United Kingdom's Empire was premised upon invasion of foreign countries to facilitate foreign trade; the United States has arguably never invaded a foreign country for this purpose.

Мир, коммерция и дружественные отношения со всеми нациями и никаких обязывающих альянсов

Опыт США отличается гораздо радикальнее. Эта страна никогда не переживала вторжения иностранных держав, кроме случая, когда Канада (на тот момент колония и представитель Великобритании) угрожала США ответным ударом после попытки завоевать Канаду в начале девятнадцатого века. Но даже тогда риск для США не был смертельным. Мотивы канадцев и британцев по сути были лишь карательными, и у них никогда не было достаточных ресурсов или материально-технических средств даже для того, чтобы попытаться полностью захватить контроль над страной. Более того, учитывая географическую удаленность США, сложно даже предположить, каким образом гипотетический захватчик смог бы наладить адекватное материально-техническое снабжение. Это можно с полной уверенностью утверждать и сегодня.

В результате возникает естественный вопрос: зачем США внешняя политика или оборонительные силы, если эта страна, по сути, неуязвима с военной точки зрения (при наличии более или менее постоянных дружественных отношений с двумя имеющимися соседями на суше) и экономически самодостаточна. В реальности, на эту страну невозможно напасть, и она редко демонстрировала имперские амбиции в масштабах, сравнимых с британскими. Мощь Британской империи строилась на вторжении на территории иностранных государств для развития внешней торговли; США, пожалуй, никогда не захватывали иностранные государства из этих соображений.

The answer to this question lies in two directions. The first is the United States' unusual internal history. The country was forged in revolution, one group of countrymen essentially expelling another group in circumstances of acrimony between friends that turned recklessly violent in the US War of Independence between 1776 and 1779. A number of the US Founding Fathers had very warm relations with the British, including Benjamin Franklin who was a long-term resident of London and pre-independence US diplomat to Great Britain. Nevertheless by 1775 another leading Founding Father, Patrick Henry, initiated the popular slogan "give me liberty or give me death", and was heard to say "there is a just God who presides over the destinies of nations, and who will raise up friends to battle for us".

These words are perhaps the initiation of an important insight into the American soul in matters of foreign policy. The American Revolution and subsequent War of Independence from Great Britain, that country's founding political moment, was so extraordinary in its determination, yet undertaken with such a singular sense of principle that overwhelmed all sense of kinsmanship and institutional and emotional connection with the British, that it invested in the newly independent nation's political philosophy with an unusual sense of political principle. What became the United States of America was created as a consequence of a wartime set of circumstances with a former (and subsequent) ally, with whom the nation shared many or even most political values, under circumstances of perceived military inequality that made the victory of the US revolutionaries appear extraordinary.

Ответ на этот вопрос лежит в двух областях. Во-первых, необычная национальная история США. Государственные основы определились в результате революции, когда одна группа граждан, по сути, изгнала другую группу в результате недоразумения между друзьями, которое достигло наивысшей точки яростного противостояния во время Войны за независимость США 1776-1779 годов. У нескольких отцов-основателей США были очень теплые отношения с британцами, включая Бенджамина Франклина, который в течение долгого времени жил в Лондоне и был дипломатическим представителем США до образования независимого государства. Тем не менее, в 1775 году еще один из основных отцов-основателей, Патрик Генри, уже сказал свои знаменитые слова: «Дайте мне свободу, или дайте мне смерть!» и что «есть справедливый Бог, который восседает над судьбами народов; и который поднимет нам друзей, которые будут сражаться за нас на войне».

На этих словах, скорее всего, и должно строиться глубинное понимание американской души с точки зрения внешней политики. Американская революция и последующая Война за независимость от Великобритании - основополагающий момент политической истории США. Он был настолько уникальным в своей решительности и был реализованным с настолько исключительной принципиальностью, что перевесил все родственные, институциональные и эмоциональные связи с британцами и зародил необычный дух политической принципиальности в политической философии нового независимого государства. Государство, которое впоследствии стало Соединенными Штатами Америки, было создано в результате стечения обстоятельств, приведших к войне с бывшим (и будущим) союзником, с которым США разделяет множество, если не большинство, политических ценностей, в свете воспринимаемого военного неравенства, которое сделало победу американских революционеров еще более незаурядной.

This invested in US political culture a belief that principle could and should prevail over national interests. US foreign policy would thereafter develop with tenet at its centre. US foreign policy is premised upon an averral, at least in part, that the scheme of international relations is or should be governed by principles rather than interests. Hence friendly countries are those who share common principles, whereas enemies are countries that do not. In order to understand US foreign policy, and to render it less incomprehensible, one must never fail to maintain this observation at the forefront of one's mind.

The second direction in which it is necessary to explore, in order to understand the exceptional militarisation of the United States which inevitably has an influence upon its foreign policy, is that nation's very occasional but habitually massive participation in the most cruel of wars. Militarisation of the United States cannot be explained solely by reference to what its sometime President Dwight D. Eisenhower called the "military-industrial complex": that is to say, the fact that a commercial military establishment (building weapons) forged an alliance with a political military establishment in order to pursue mutual self-development. Such a dynamic exists in many countries, not just the United States. But the United States' proportion of military expenditure to GDP remains the largest in the developed world, and has done for a very long time. This calls for additional explanation.

Это привело к появлению в политической культуре США веры в то, что принцип может и должен преобладать над государственными интересами. В последующем внешняя политика США будет развиваться на основе именно этого догмата. Американская внешняя политика, по крайней мере частично, основывается на утверждении о том, что система международных отношений регулируется или должна регулироваться принципами, а не интересами. Следовательно, дружественными являются страны, разделяющие общие принципы, тогда как враждебные страны их не разделяют. Чтобы понять внешнюю политику США и сделать ее более доступной для понимания, необходимо постоянно учитывать это наблюдение.

Вторая область, которую необходимо изучить для понимания исключительной милитаризации США, неизбежно влияющей на ее внешнюю политику, - это крайне редкое, но обычно массированное участие этой страны в самых жестоких войнах. Милитаризацию США нельзя объяснить только ссылкой на феномен, названный одним из прежних Президентов, Дуайтом Д. Эйзенхауэром, «военно-промышленным комплексом». Другими словами, альянс коммерческого военного эстеблишмента (производство оружия) с политическим военным эстеблишментом, в целях взаимного саморазвития. Это явление характерно для многих стран, не только для США. Но доля США в военных расходах в структуре ВВП по-прежнему является одной из крупнейших среди развитых стран, и эта ситуация не меняется долгое время. Здесь необходимо дополнительное разъяснение.

The military of the United States might be perceived as having been initiated by a haemorrhaging of the most monumental order in the American Civil War. Barely ninety years after the country's establishment in the cradle of revolutionary war, the nation found itself to be at war with itself. The American Civil War of 1861-1865 almost tore the country apart, so soon after she had been so spectacularly self-established. Moreover the means by which the American Civil War was resolved, namely overwhelming logistical, economic and industrial superiority of the North engaged in total warfare against the South, habituated the Americans to a culture of resolution of fundamental political disputes by means of overwhelming force. The diplomat efforts to resolve the American Civil War were nugatory in comparison with European wars of the era. The death toll, civilian destruction, and the number of troops mobilised to fight one-another as a proportion of the population, was extraordinary. This was American political culture's first real experience of war.

The United States perceived itself as playing a decisive role in the resolution of the First World War, and worked to the assumption that her decisive actions were the product of a principled idealism that contributed to the actions and ideas of her wartime President, Woodrow Wilson, in developing the world's first multilateral body to promote peace. That was the League of Nations, the United Nations' predecessor today. But in a remarkable subsequent volte-face characteristic of the bipolar nature of US politics, the United States then dramatically withdrew from global foreign policy affairs for at least the next decade. She refused to join the League that she had been instrumental in establishing, while pursuing a policy of isolationism characteristic of a massive, geographically distant and militarily impermeable nation living in what appears to be perpetual peace with its two militarily less numerous neighbours.

Военную мощь США можно рассматривать как результат значительных потерь в Американской Гражданской войне. Почти через девяносто лет после образования государства в «колыбели революции» нация оказалась в состоянии гражданской войны. Гражданская война в США 1861-1865 годов практически разрушила страну вскоре после ее впечатляющего самоутверждения. Кроме того, средства, которые использовались для завершения Гражданской войны в США, а именно, подавляющее материальное, экономическое и промышленное превосходство Севера, втянутого в тотальную войну с Югом, приучили американцев к культуре урегулирования фундаментальных политических споров с помощью подавляющей мощи. Попытки завершить Гражданскую войну в США дипломатическим путем не шли ни в какое сравнение с войнами в Европе этого времени. Количество потерь среди военных и гражданского населения и войск, мобилизованных для сражения друг с другом, по отношению к народонаселению было немыслимым. Это был первый реальный опыт войны в политической истории Америки.

США воспринимали себя как державу, сыгравшую решающую роль в завершении Первой мировой войны, и действовали исходя из того, что предпринятые США решительные меры стали следствием принципиального идеализма, который определил действия и решения находившегося у власти во время войны Президента Вудро Вильсона, приведшие к созданию первого в мире многостороннего миротворческого органа. Этим органом стала Лига наций, предшественник нынешней Организации Объединенных Наций. Но затем США сделали удивительный кульбит, так характерный для биполярной американской политики, - они резко вышли из мировой внешней политики, по меньшей мере, на следующие десять лет. США отказались вступить в Лигу, в создании которой они играли ключевую роль, преследуя политику изоляционизма, характерную для мощной, географически удаленной и с военной точки зрения неуязвимой нации, которая живет в постоянном мире со своими двумя соседями, не достигшими такого уровня военного развития.

This isolationism did not last long. Within just over twenty years, Europe is locked into a second, Great Patriotic, war. The United Kingdom realised that on this occasion, her colonial economic might together with her naval superiority was insufficient alone to strangle the threat of Nazism. She therefore appealed to the sense of principle in US foreign policy: that Nazism was a threat both to European peace and to minority rights, which indeed was correct in each case. Thereby, she drew the United States into the war against Germany, and ensured that America did not confine its attentions to its immediate aggressor in Japan. The American perception - one which the Soviet Union likewise harboured - was that her overwhelming military support and sacrifice was essential for the destruction of Nazi Germany. In this regard, in fact both sides were right.

After World War Two, descent into bi-polar Cold War fitted well with the US perception of foreign policy premised upon military confrontation rather than diplomatic discourse, and shaped by principle as transmuted into an ideological divide between capitalism and communism. Yet the habitual tendency of a large and uninvadable country to resort to pragmatic realism remained a prevalence in US foreign policy, particularly in the face of what she saw as a humiliating defeat in a civil war involving what she perceived as a relatively militarily insignificant country in the shape of Vietnam. Principle was not permanently abandoned, however. As a very rough approximation, in American politics Democratic-controlled administrations have represented the pursuit of principle in foreign policy, while Republican administrations have represented the pursuit of realism in the discourse of international relations.

Но изоляционизм продлился недолго. Через двадцать лет Европа вступила во Вторую мировую или Великую Отечественную войну. Великобритания осознала, что на этот раз ее колониальной экономической мощи вкупе с превосходством на море было недостаточно, чтобы подавить угрозу нацизма. Поэтому она обратилась к принципиальности, заложенной в основе внешней политики США: нацизм - угроза миру в Европе и правам меньшинств, что в каждом случае было несомненно верно. На этом фоне Великобритания вовлекла США в войну с Германией и гарантировала, что Америка не ограничит свои интересы борьбой с ее непосредственным агрессором, Японией. С точки зрения Америки, - этой позиции также придерживался и Советский Союз - ее подавляющая военная поддержка и жертвы были абсолютно незаменимы для уничтожения нацистской Германии. На самом деле, в этом отношении обе стороны были правы.

После Второй мировой войны переход к биполярной Холодной войне соответствовал американской концепции внешней политики, построенной на военной конфронтации, а не на диалоге в дипломатической плоскости, сформированной принципами, превратившимися в идеологический барьер между капитализмом и коммунизмом. Но привычная модель поведения большого несокрушимого государства - обращение к прагматическому реализму - по-прежнему доминировала во внешней политике США, особенно перед лицом того, что воспринималось как унижительное поражение в гражданской войне в относительно незначительного с военной точки зрения государства - Вьетнама. Однако принципиальность не была оставлена навсегда. По самым грубым оценкам, в американской политике администрации, контролируемые демократами, представляли принципиальный подход во внешней политике, а республиканцы - реалистичный подход к международным отношениям.

These are not perfect distinctions, since politics is an art (not always so fine a one) and never a science. But drawing distinctions of this kind may assist the external observer in understanding why US foreign policy appears to have an unpredictable quality to it. That is because it contains within its history more than one strand; and those strands take predominance in accordance with the changing will of the electorate and the often distinctly different representatives they choose to elect. Accordingly US foreign policy might be perceived to operate as a pendulum, in which two extremes are periodically observed and a multitude of interim positions are likewise from time to time embraced.

Russia is different.

She is a riddle, wrapped in a mystery, inside an enigma; but perhaps there is a key

That key is the national interest. Russian foreign policy is an entirely different creature. A massive country, Russia has been engaged in a perpetual battle either to protect her enormous borders from incursion or to expand them. Russia has not had the luxury of an immutable territory, divorced from geographical continuity with fellow powers, some on occasion friendly and others periodically hostile. Hence her goal has always been self-preservation: something which the United States has never had to worry about. Russia's foreign policy is not premised upon the embrace of unbending principle, because her historical experience has been so different. That is why Russian-American relations are often so strained; they approach much the same problem through entirely different lenses.

Это не идеальное разграничение, так как политика - это искусство (хотя и не всегда изящное), но ни в коем случае не наука. Но если независимый наблюдатель проведет такие различия, он может понять, почему американская внешняя политика отличается непредсказуемостью. Причина заключается в том, что в политической истории США далеко неоднолинейна, и направление ее развития в зависимости от постоянно меняющейся воли избирателей и личности зачастую совершенно разных представителей, которых они избирают. Следовательно, внешнюю политику США можно рассматривать как маятник, который периодически достигает одного из двух диаметрально противоположных полюсов и, аналогичным образом, множества промежуточных положений.

Россия совершенно другая.

Она загадка, окутанная тайной, помещённая внутрь головоломки; но возможно есть ключ

Таким ключом является национальный интерес. Внешняя политика России - это совсем другое дело. Будучи огромной страной, Россия непрерывно вела войны либо для защиты своей протяженной границы от вторжения, либо для ее расширения. Границы России были нестабильны, она была географически разделена с дружественными ей странами, которые периодически становились врагами. Следовательно, ее целью всегда было самосохранение - о чем США никогда не приходилось беспокоиться. Внешняя политика России не базируется на незыблемых принципах из-за того, что ее исторический опыт был совершенно другим. Именно поэтому российско-американские отношения часто бывают настолько напряженными: подходы к практически одной и той же проблеме в значительной степени разнятся.

The first eastern Slavic state, with its capital in what is now Kiev, was founded in 882. Moscow herself was first referred to as an eastern Slavic centre in 1147. This period lasted some 400 years, under perennial attack in multiple directions and the territory ultimately fell to Mongol invasion in the thirteenth century. A catastrophic event, this resulted in the death of what is approximated to be half the population. The Mongols barely stayed so far west for merely a few years, because they had overstretched themselves in terms of their capacity for territorial occupation. Amidst their departure, Moscow developed as a cultural centre and locus of opposition to the Golden Horde Mongol khanate, that was pushed back in progressive stages from modern-day Russia only over the course of several centuries.

Mongol rule was finally expelled from Russia's contemporary boundaries in 1502. A number of sovereign territories developed in the meanwhile, including the Principality of Vladimir-Suzdal, that considered itself the cradle of the Russian language culture; the Novgorod Republic, which occupied much of what is now northern Russia and northern Siberia; and the Grand Duchy of Moscow, a political entity based in and around Moscow that began life under the rule of Daniel I in 1283 and proceeded by annexing the Novgorod Republic and the Grand Duchy of Tver (a smaller territory in western Russia now proximate to contemporary Belarus).

Первое восточнославянское государство со столицей в Киеве было основано в 882 году. Первое упоминание о Москве как о славянском центре на востоке относится к 1147 году. Этот период длился примерно 400 лет на фоне непрерывных нападений с разных сторон, и, в конечном итоге, в 13-м веке территория пала под нашествием монголо-татар. Это катастрофическое событие привело к гибели примерно половины населения. Монголо-татары редко оставались так далеко на западе более чем на несколько лет, поскольку им не хватало возможностей для управления захваченными территориями. Во время их ухода Москва развивалась как культурный центр и очаг противостояния Золотой Орде Империи Монголов, которая постепенно была выдворена за пределы современной России только спустя несколько веков.

В 1502 году Россия была окончательно освобождена от монголо-татарского ига в пределах своих границ на тот период. В то же время развился ряд суверенных территорий, среди которых было Владимиро-Суздальское княжество, считавшееся колыбелью русской языковой культуры; Новгородская Республика, которая занимала большую часть современного севера России и севера Сибири, и Великое Княжество Московское, политическое образование со столицей в Москве, основанное под властью Даниила I в 1283 году и расширившееся за счет аннексии Новгородской Республики и Великого Княжества Тверского (малой территории на западе современной России в непосредственной близости к современной Беларуси).

The progressive development of the Grand Duchy of Moscow resulted in her territory eventually being re-founded as a "Tsardom" in 1547 by Ivan IV, colloquially known as Ivan the Terrible, a formidable military leader who, together with his successors, caused Russian territory to be expanded by an astonishing 35,000 kilometres per year for the next 150 years. This success in territorial expansion occurred notwithstanding the so-called Time of Troubles, during the interregnum between the death in 1598 of Fyodor Ivanovich Rurik, the last member of the dynasty which Ivan IV initiated politically; and the start of the Romanov dynasty in 1613. During the Time of Troubles, Russia found herself at war with Poland, who absorbed part of her territory; she was likewise occupied in substantial part by the Grand Duchy of Lithuania; and she suffered from a famine that killed one-third of her population. Russia's history of interminable territorial uncertainty stretches back well over one thousand years.

The Romanov dynasty began with the reign of Michael I, cousin once-removed of Fyodor Rurik, in 1613. It was Russia's good fortune during the early Romanov era that her principal enemies, Poland and Sweden, were at war with one-another. Russia took advantage of these adversaries' relative depletion of resources in the Russo-Polish Wars of 1654-1667, in which the Polish-Lithuanian Commonwealth found herself in a situation familiar to so many of Russia's subsequent opponents. This was an inability to compete with Russia's massive natural and human resources consequent upon her enormous territory. The Great Northern War of 1700-1721 resulted in Russian territorial gains against Sweden in the Baltic States. Its conclusion was proclamation of a Russian Empire, that persisted until the February Revolution of 1917. Catherine the Great presided over a golden age of further territorial expansion towards the end of the eighteenth century, and at its height Russian dominance in the region extended to what is now northern Iran, areas of northern China, Mongolia, Poland and Romania, as well as what we now call the former-USSR.

Последовательное развитие Великого Княжества Московского привело к тому, что в 1547 году его территория в итоге была переименована в «царство» Иваном IV, в народе известным как Иван Грозный, устрашающим полководцем, который со своими преемниками потрясающим образом начал процесс расширения границ России на 35 000 километров в год в течение последующих 150 лет. Этот успех территориальной экспансии стал возможным несмотря на так называемое Смутное время, период междуцарствия после смерти в 1598 году Федора Ивановича Рюрика, последнего представителя династии, политическим основателем которой стал Иван IV, и до начала правления династии Романовых в 1613 году. В Смутное время Россия оказалась втянутой в войну с Польшей, которая захватила часть ее территории; также ее значительная часть была занята Великим Княжеством Литовским; кроме того, в стране свирепствовал голод, который унес одну треть ее населения. История непрекращающейся территориальной нестабильности России охватывает период более одной тысячи лет.

Династия Романовых берет свое начало с 1613 года, со времени правления Михаила I, двоюродного племянника Федора Рюрика. На раннем этапе правления Романовых для России было благом, что ее основные противники Польша и Швеция воевали друг с другом. Россия воспользовалась относительным истощением ресурсов противников в русско-польских войнах 1654-1667 гг. Речь Посполитая оказалась в ситуации, знакомой многим из последующих противников России. Это была неспособность конкурировать с огромными природными и человеческими ресурсами России вследствие ее огромной территории. Северная война 1700-1721 гг. привела к приобретению у Швеции территорий, имеющих выход к Балтийскому морю. Ее итогом стало провозглашение Российской Империи, которая просуществовала до Февральской революции 1917 года. Екатерина Великая правила на протяжении «золотого века» территориальной экспансии, которая продолжалась до конца восемнадцатого века, и на пике доминирование России простиралось до территории нынешнего Ирана, районов Северного Китая, Монголии, Польши и Румынии, а также теперь уже бывшего СССР.

Yet notwithstanding this period of Russian expansionism, she was always at risk from other European powers. Having defeated some of her nearer neighbours, she found herself at peril from those further away. Napoleon marched on Moscow in 1812. Although this proved ill-fated, Russia's largest city burned in the interim. Russia's ostensible military invincibility in the face of French invasion caused her to catch the eye of Britain who, exercising its "balance of power" foreign policy doctrine, decided that Russia needed a military defeat lest her success lead to undue aggression or further domination that might threaten the British Empire. The result was the Crimean War of 1853-1856, in which an Anglo-Franco-Ottoman Alliance defeated Russia and as a result the power of the Russian navy was eroded by treaty. Britain and Russia likewise went into political and diplomatic combat over the territories between the Russian Empire and the British Raj in what became known as "The Great Game" between 1830 and 1895. Each side suspected the other of seeking to encroach upon their central Asian territories, and thereby engaged in a proxy war in territories mostly comprising modern Afghanistan with a view to frustration of the other in their perceived territorial ambitions.

Но несмотря на данный период экспансии России всегда угрожали другие европейские державы. После победы над соседями угроза пришла издалека. Наполеон дошел маршем до Москвы в 1812 году. Хотя этот поход и не увенчался успехом, был сожжен самый крупный город России. Явная военная несокрушимость России перед лицом французского вторжения привлекла внимание Великобритании, которая, реализуя свою внешнеполитическую доктрину «баланса сил», решила, что России не помешало бы поражение в войне, иначе ее успех мог бы привести к чрезмерной агрессии или дальнейшему доминированию, которое могло бы угрожать Британской Империи. В результате началась Крымская война 1853-1856 гг., в которой англо-франко-османский союз одержал победу над Россией и, в итоге, мощь российского флота была разрушена вследствие заключенного договора. Аналогичным образом, Россия и Британия вступили в политическую и дипломатическую борьбу за территории между Российской империей и Британскими колониальными владениями, которая стала известна как «Большая игра» и продолжалась с 1830 по 1895 год. Каждая из сторон подозревала другую в стремлении посягнуть на их владения в Центральной Азии, и тем самым была косвенно вовлечена в войны на территориях, в основном, современного Афганистана с целью расстроить потенциальные территориальные амбиции противной стороны.

These dalliances with the British were mostly harmless, but Russia again came under mortal threat in the First World War as Germany unexpectedly declared war upon her and invaded, amidst fragile domestic circumstances that precipitated revolution. As a result, and in large part because that revolution then precipitated the Russian Civil War (1917-1922), Russia was forced to sue for peace with Germany at substantial territorial expense. Again the Germans invaded what by then was the Soviet Union in 1941, but with substantially less success because by this time the Communist regime proved itself more capable of self-organisation to resist massive invasion. Stalin's determination to expand the Soviet Union's sphere of influence into the Eastern European countries that subsequently became members of the Warsaw Pact, at the end of the Second World War, was in part reflective of Russia's perennial habituation to changes and threats to the parameters of its external borders.

To understand Russian foreign policy, one must always appreciate that just as Russia has seen her neighbours and other European Great Powers as threats, by reciprocity she has also viewed opportunistically the prospect of territorial seizure. That is because in the history of Russia, Westphalian absolutism in the delineation of sovereign borders has been at best an attractive fiction and never a reality. Russia stands in perpetual concern that her borders may shrink; and in perpetual optimism that her borders may expand. This flexible concept of sovereign boundaries stands in stark contrast to US foreign policy philosophy. It is a distinctively Russian concept of political realism. It gives rise to the view the notion of a strategic interest. Loss of territorial or political influence in a neighbouring or strategically important part of the world, pertinent to mitigation of loss of Russian territory or potentially helpful to enhancement of Russian interests, is regarded as drastic. Pursuit of principle in foreign policy is regarded as a luxury at best and an indulgence at worst.

Эти интриги с англичанами были в основном безвредны, но Россия вновь столкнулась со смертельной угрозой в Первой мировой войне, когда Германия неожиданно объявила войну и вторглась на ее территорию, что в условиях шатких внутренних обстоятельств ускорило революцию. В итоге, и по большей части из-за того, что революция привела к Гражданской войне (1917-1922 гг.), Россия была вынуждена заключить мир с Германией ценой значительных территориальных потерь. Еще одно германское вторжение произошло уже в эпоху Советского Союза, в 1941 году, но с существенно меньшим успехом, потому что к этому времени коммунистический режим проявил себя более способным к самоорганизации, чтобы противостоять массированному вторжению. Решимость Сталина расширить сферу влияния Советского Союза в странах Восточной Европы, которые впоследствии стали членами Варшавского договора по окончании Второй мировой войны, частично отражало многолетнее привыкание России к изменениям и угрозам ее внешним границам.

Чтобы понять российскую внешнюю политику, всегда нужно учитывать, что поскольку Россия видела в своих соседях и других европейских державах угрозу, она, в свою очередь, также оппортунистически относилась к возможности захвата территории. Это происходит потому, что в истории России Вестфальский абсолютизм в разграничении суверенных границ, в лучшем случае, является привлекательной фикцией, а не реальностью. Риск сокращения границ – это источник постоянного беспокойства для России; также как расширение границ - источник постоянного оптимизма. Эта гибкая концепция суверенных границ кардинально противоречит внешнеполитической философии США. Это, совершенно определено, российская концепция политического реализма. В этой связи возникает вопрос о понятии стратегических интересов. Утрата территориального или политического влияния в соседних или стратегически важных частях света, относящихся к смягчению утраты российской территории или потенциально укрепляющих российские интересы, рассматривается как критическая. Соблюдение принципов во внешней политике рассматривается в лучшем случае как роскошь, и как слабость, в худшем.

Reset: perennially redux?

Перезагрузка: вновь и вновь?

The Russian President has characteristically observed that he does not have any specific friends in foreign nations. As the President of Russia, his mandate is to act in the Russian national interest. This may mandate cooperation and negotiation with other states at different times; but there are no natural friends, and in consequence there are no natural enemies either. Russian foreign policy alliances are inevitably temporary, depending upon the Russian national interest that in turn relates to preservation of Russian territorial integrity.

This attitude towards foreign relations may strike a cold chord with American foreign relations scholars who see natural friendships in fellow nations that are perceived to share common values and equivalent institutions. It is in this discordance between Russian and American perspectives that much recent verbal and diplomatic hostility between the two nations may have arisen. How might it be dissolved? There are no simple answers to this question, but I hope that this brief contrast between US and Russian political histories and diplomatic philosophies might enable us at least to trace the contours of a possible resolution, with a number of lessons being drawn.

Firstly, there is no need for a so-called reset in Russian-US foreign relations, to the extent that what this means is that poor personal relationships or undiplomatic language used in the past needs to be agreed to be put behind the parties, and it is said that relations ought to be recommenced in some more civilised and agreeable way. The challenge facing American-Russian relations is not one of language and courtesy. Both nations are remarkably direct in their diplomacy, and they can understand one-another well at least in verbal terms. The greater challenge is that they think differently about foreign relations, and those distinctive methods of thinking must be co-aligned in some way if the two nations' relationship is to prosper.

Президент России в характерной для себя манере отметил, что у него нет друзей в иностранных государствах. Будучи Президентом России, он должен действовать в государственных интересах России. Круг полномочий Президента может в то или иное время включать сотрудничество и переговоры с другими странами, но у него нет естественных друзей и, следовательно, естественных врагов. Российские внешнеполитические альянсы неизбежно носят временный характер в зависимости от российских государственных интересов, которые, в свою очередь, связаны с сохранением территориальной целостности страны.

Такой подход к внешней политике может стать неожиданностью для американских специалистов по международным отношениям, которые рассматривают в качестве естественных друзей дружественные нации с идентичными институтами, разделяющие общие ценности. Именно этим расхождением российской и американской точек зрения можно объяснить недавно возникшую устную и дипломатическую враждебность между двумя странами. Как можно это изменить? На этот вопрос нет простых ответов, но я надеюсь, что этот краткий анализ американской и российской политической истории и дипломатической философии поможет нам, как минимум, наметить очертания возможного решения и извлечь из него несколько уроков.

Во-первых, нет необходимости в так называемой перезагрузке в российско-американских международных отношениях, если такая перезагрузка означает забвение сторонами неудовлетворительных личных отношений или недипломатичных высказываний в прошлом и необходимость возобновления отношений в более цивилизованной и приемлемой для сторон форме. Проблема американо-российских отношений не связана с высказываниями и дипломатическим этикетом. Обе нации занимают в высшей степени открытые позиции в дипломатических отношениях и могут понять друг друга, по крайней мере, на словах. Более сложная проблема заключается в том, что они придерживаются разного подхода к внешней политике, и два разных менталитета должны некоторым образом совпасть для благоприятного развития отношений двух стран.

Secondly, while US foreign relations policy might have a sinusoidal quality, Russian foreign relations policy does not, save insofar as Russia might be in a position of relative military and economic strength at some junctures in its history, and a position of lesser strength at others. Russia will be naturally more active in its foreign policy in the former such periods than in the latter; but that is true of virtually any nation.

Therefore, thirdly, it is imperative to find some method of alignment of the sinusoids, particularly because the United States has an additional dimension to the varying nature of her foreign policy by reason of her distinctive history, which Russia does not. Now might be such a period of alignment. If as some have asserted, US foreign policy is to revert to a more realist and isolationist role, diverting its attention from a period in which it has seen itself as the world's policeman; while Russia finds itself in a period to compromise its political interests in order to consolidate its strategic goals during a period of geopolitical instability, then the keys to alignment of the two nations' foreign policies may present themselves.

Fourthly, both sides must accept that the other side's foreign policy philosophical curiosities will never evaporate entirely. Russia must accept that the exposition of principle will continue to inhabit US foreign policy to some extent or other, no matter what the political affiliation of the occupant of the White House. Foreign policy principle is ingrained in the institutions of the United States responsible for execution of her foreign policy, and that will never change. However pragmatic or realist one US President might seem, another one will come along later that may reinforce prior assertions of principle.

Во-вторых, внешняя политика США могла развиваться синусоидально, в отличие от российской, за исключением нескольких случаев, когда Россия находилась в положении с военной и экономической точек зрения сильной державы в те или иные исторические моменты или, наоборот, слабой державы - в другие периоды. Естественно, что Россия более активно ведет себя во внешнеполитической сфере в первом случае, а не во втором, но это обычная модель поведения практически любого государства.

В-третьих, следовательно, абсолютно необходимо найти способ скоординировать синусоиды, в частности, потому что у США есть еще один фактор, объясняющий переменчивый характер ее внешней политики, обусловленный уникальной историей, чего у России нет. И сейчас, возможно, этот период сближения уже начался. Если, как утверждают некоторые, внешняя политика США возвратится к более реалистичному и изоляционистскому курсу, сменяющему период, в котором США видели себя «полицейским» на мировой арене, в то время как Россия переживает период, когда ей приходится идти на компромисс со своими политическими интересами, чтобы консолидировать свои стратегические цели в период геополитической нестабильности, то может быть найден ключ к сближению внешней политики двух стран.

В-четвертых, обе стороны должны смириться с тем, что философские особенности внешней политики другой стороны не исчезнут бесследно. Россия должна согласиться с тем, что демонстрация принципиальности во внешней политике США сохранится в той или иной мере, независимо от политической принадлежности обитателя Белого дома. Принципиальность во внешней политике укоренилась во всех институтах американской власти, ответственных за реализацию внешней политики США, и это не изменится. Тем не менее, независимо от того, насколько прагматичным или реалистичным может показаться Президент США, его сменит другой человек, который может заявить о еще более принципиальной позиции.

Likewise, the Russian concept of strategic interest will not dissolve. Russia will never lose her fear of invasion, or her concern that territories within her dominion might be annexed under pretence of diplomacy or war. Her history is too deeply ingrained for such a habituation, centuries-old, to be reversed. The United States must therefore understand this Russian incentive, even if she does not always like its consequences. Profound understanding of the Russian national interest can make Russian foreign policy predictable. The fact that relatively few in Washington, DC do find it so is testament to something to which I alluded at the outset of this essay, namely that much understanding and expertise about the Russian Federation has been lost since the end of the Cold War.

Fifthly, we must appreciate that even where both nations' foreign policy imperatives do find themselves co-aligned (and we may be entering such a period now), they will not remain so forever. Diplomatic relations, and expertise each in understanding the other, must be maintained. Hence where new frictions may arise, each nation may work upon alleviating them rather than aggravating them; and by doing so with deeds rather than words.

Sixthly, and finally, this project is essential to preserve a notion of global peace and security. The United States and Russia are the world's two countries with by far the largest nuclear arsenals. They have been in open confrontation over decades in the past. It was then called the Cold War. It was a period of exceptional anxiety and diplomatic confrontation, and it catalysed proxy wars across the globe. It is a period of history that must never be repeated. Cooperation and negotiation, no matter how painful and uncertain each side finds it in engagement with the philosophical oddities of the other, is an option in respect of which there are no other choices. The entire world depends upon it.

Аналогичным образом, Российская концепция стратегических интересов останется неизменной. Россия всегда будет опасаться вторжения на ее территорию или того, что подконтрольные ей территории могут быть аннексированы под предлогом дипломатического или военного характера. История России слишком глубоко укоренилась в ее сознании, чтобы отказаться от привычки, которая складывалась веками. Следовательно, США должны понимать мотивы России, даже если им не всегда нравятся их последствия. Глубокое понимание национальных интересов России поможет сделать российскую внешнюю политику предсказуемой. Тот факт, что немногие в Вашингтоне понимают это, является свидетельством того, о чем я упомянул в начале данного эссе, а именно, что понимание и глубокое знание Российской Федерации было утрачено со времени окончания Холодной войны.

В-пятых, мы должны осознавать, что даже если внешнеполитические императивы обеих стран совпадают (и мы сейчас можем вступить в такой период), они не останутся таковыми навсегда. Необходимо поддерживать дипломатические отношения и глубоко понимать друг друга. Следовательно, даже если будут возникать трения по новым вопросам, каждая из стран должна устранять их, а не усугублять; и в данном случае дела говорят лучше слов.

И наконец, в-шестых, это начинание является важным для сохранения мира и безопасности на планете. США и Россия - это две крупнейшие мировые державы с самым внушительным на данный момент ядерным арсеналом. В прошлом открытая конфронтация между ними длилась десятилетиями. Тогда это называлось «Холодная война». Это был период исключительной тревоги и дипломатического противостояния, и он стал катализатором опосредованного военного противостояния по всему земному шару. Этот период в истории не должен повториться никогда. Сотрудничество и переговоры, какими бы сложными и неопределенными они не казались с учетом странностей мировоззрения каждой из сторон, это единственное из возможных решений. От этого зависит судьба всего мира.

05-Jan-17

5 января 2017 г.

+++

Matthew Parish is a former UN peacekeeper in the Balkans and formerly served as Legal Counsel at the International Bank for Reconstruction and Development in Washington, DC. He is the Managing Partner of the Gentium Law Group in Geneva, and formerly served as Chief Political Advisor to Vuk Jeremić in the selection process to become the next UN Secretary General in 2016. Mr Jeremić came second. Matthew is now a key political supporter of the Secretary General-elect, Antonio Guterres. www.gentiumlaw.com
www.matthewparish.com

+++

Мэтью Пэриш - бывший служащий миротворческих сил ООН на Балканах, работал юрисконсультантом в Международном банке реконструкции и развития в Вашингтоне, Округ Колумбия. В настоящее время он является управляющим партнером женеvской фирмы Gentium Law Group, а до этого работал главным политическим консультантом Вука Еремича на выборах Генерального секретаря ООН в 2016 г. Г-н Еремич занял второе место. Мэтью является основным политическим сторонником нынешнего Генерального секретаря Антониу Гутерриша. www.gentiumlaw.com
www.matthewparish.com